

УДК 1

DOI: 10.34670/AR.2019.45.4.071

Философская первопричина интереса к проблематике исторической памяти (на примере гипотезы Э. Беккера о базовом конфликте человека)

Шляхов Алексей Владимирович

Аспирант,

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева,
443086, Российская Федерация, Самара, шоссе Московское, 34;
e-mail: shlyahov@mail.ru

Аннотация

В настоящее время изучение восприятия исторических событий стало представлять интерес не меньший, чем изучение самих событий. В связи с этим выявление первопричины возникновения интереса человека, общества и государства к проблематике исторической памяти может рассматриваться как весьма актуальная задача. Одной из философских гипотез, позволяющих решить указанную задачу, является гипотеза Эрнеста Беккера о базовом конфликте. Анализ теоретических разработок данной гипотезы позволяет объяснить, что интерес к проблематике исторической памяти отражает стремление человека – к бессмертию, общества – к развитию, государства – к самосохранению и обусловлен кризисом традиционного восприятия человеком окружающего мира. В частности, для человека историческая память может выступать как своеобразный способ распознавания «материала» для строительства здания собственного символического бессмертия; для общества – как способ сохранения, преобразования и дальнейшего развития систем земного героизма, обеспечивающих возможность реализации человеком избираемых им «проектов бессмертия»; для государства – как важный элемент «удостоверения» собственного существования. Гипотеза о базовом конфликте является перспективной с точки зрения ее дальнейшей научной разработки, в том числе в контексте проблематики исторической памяти.

Для цитирования в научных исследованиях

Шляхов А.В. Философская первопричина интереса к проблематике исторической памяти (на примере гипотезы Э. Беккера о базовом конфликте человека) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 4А. С. 89-103. DOI: 10.34670/AR.2019.45.4.071

Ключевые слова

Историческая память, гипотеза о базовом конфликте человека, Э. Беккер, стремление к бессмертию, философия.

Введение

Методологический подход, предполагающий изучение субъективно преломляемых рефлексий о событиях прошлого, приобрел в современной отечественной науке высокую востребованность. Изучение восприятия исторических событий человеком и обществом стало представлять интерес не меньший, чем изучение непосредственно самих событий. Фактически в настоящее время происходит активный процесс формирования новой отрасли междисциплинарных исследований – «исторической памяти».

В настоящей статье историческая память понимается как символическая репрезентация исторического прошлого, которая является составляющей самоидентификации индивида, социальной группы и общества [Репина, 2003]. Объект изучения – историческая память, предмет – изучение интереса к проблематике исторической памяти, цель – выявление философской первопричины интереса к проблематике исторической памяти (на примере гипотезы Э. Беккера о базовом конфликте человека).

Интерес к проблематике исторической памяти в современном мире является достаточно высоким и выражен в разнообразных плоскостях: во-первых, во многих странах созданы и функционируют специализированные общественные организации, деятельность которых напрямую связана с сохранением и защитой национальной памяти (Российское историческое общество, американская организация Oral History Association, французская ассоциация *Liberté pour l'Histoire* и др.); во-вторых, во многих странах резко возрос интерес к вопросам, связанным с изучением исторической памяти (проблематика исторической памяти обсуждалась на страницах отечественных научных журналов «Одиссей», «Казус», «Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории» [Ростовцев, Сосницкий, 2014], соответствующие вопросы дискутировались в специализированном американском журнале «History & Memory» [Court, 2017]; полемика вокруг коллективной памяти, ее «измерений», а также «культуры исторической памяти» весьма востребована в немецкой академической среде [Пушкарева, 2010]; традиции «глобальной истории» поддерживаются издателями французского журнала «*Annales. Histoire, Sciences sociales*»¹ и т.д.); в-третьих, в информационном пространстве наблюдается поляризация взглядов на одни и те же исторические события («пакт» Молотова – Риббентропа, «Мюнхенский сговор», Маннергейм и блокада Ленинграда, геноцид армян в Первой мировой войне и др.); в-четвертых, наблюдается рост числа общественных и научных дискуссий относительно различных аспектов развития истории как области гуманитарных знаний, как образовательной дисциплины и как науки (выпускной экзамен по истории как обязательный в системе Единого Государственного Экзамена; концепция создания «единого» российского учебника истории); в-пятых, в общественной и научно-образовательной среде наблюдается тенденция к увеличению объемов существующей информации.

Таким образом, необходимо констатировать, что высокая степень интереса к проблематике исторической памяти в современном мире проявляется со стороны государства (деятельность специализированных общественных организаций), со стороны общества (поляризация взглядов на одни и те же исторические события; «давление» информационного пространства) и со стороны науки (рост научной активности по вопросам, связанным с изучением исторической памяти; рост числа дискуссий относительно различных аспектов развития истории).

¹ Например, см.: *Annales. Histoire, Sciences sociales*. № 4 (October-December), 2016.

Основная часть

Наличия государственного, общественного и научного интереса к проблематике исторической памяти ставит вопрос о первопричине возникновения такого интереса.

Представляется, что поиск посредством философии первопричины возникновения интереса к проблематике исторической памяти должен быть, прежде всего, соотнесен с традиционным вопросом о том, кто такой человек.

В настоящей статье рассмотрению будет подлежать такой философский аспект изучения исторической памяти, как стремление человека к бессмертию, в частности гипотеза о том, что в человеке существует базовый конфликт между желанием жить и сознанием того, что смерть неизбежна (далее – гипотеза о базовом конфликте) [Becker, 1973; Pyszczynski et al., 2004].

В рамках данной гипотезы человек понимается как гипертревожное смертное животное, осознающее свою смертность и постоянно придумывающее причины для беспокойства, даже если таковых не имеется [там же]. А общество трактуется как символическая система действий, структура статусов и ролей, обычаев и правил поведения, призванная служить средством для земного героизма [там же]; история рассматривается как последовательность идеологий бессмертия [там же].

Анализ теоретических разработок указанной гипотезы позволяет предположить, что интерес к проблематике исторической памяти является отражением стремления человека – к бессмертию, общества – к развитию, государства – к самосохранению и обусловлен кризисом традиционного восприятия человеком окружающего мира.

В отношении человека необходимо отметить следующее.

В отличие от животного, которое не осмысливает свою смерть («животные продолжают спокойно пастись, в то время как другие падают возле них; они живут и исчезают с одинаковой неосмысленностью: несколько минут страха, несколько секунд боли – и все кончено» [там же], человек стоит перед трудноразрешимой экзистенциальной дилеммой: с одной стороны, он осознает собственную уникальность в природе, а с другой стороны – он понимает, что смертен (человек тратит годы в поиске себя, развивая свой талант, свои уникальные способности, совершенствуя свои знания об окружающем мире, расширяя и оттачивая свои навыки, учась преодолевать разочарования жизни, становясь зрелым, опытным, – наконец, уникальное «создание в природе» с достоинством и благородством стоит перед нами; однако после шестидесяти лет невероятных страданий и усилий такое создание пригодно только для того, чтобы умереть [там же]).

Данная дилемма порождает страх смерти, который носит непреходящий характер (страх смерти постоянно присутствует в нормальном биологическом функционировании нашего инстинкта самосохранения и предается забвению в нашей сознательной жизни [там же]), подавляется человеком («обычно мы живем, не веря в собственную смерть, как если бы мы полностью верили в свое собственное телесное бессмертие. Мы нацелены на овладение смертью. Человек, конечно, скажет, что он знает, что однажды умрет, но его это не волнует. Он проводит «хорошее время» с живой, не думает о смерти и не хочет заморачиваться по этому поводу – однако это чисто интеллектуальный, словесный прием. Влияние страха подавляется» [там же]) и обуславливает маскируемую человеком «жажду космической особи» (человек «должен отчаянно оправдывать себя как объект первостепенной ценности во Вселенной» [там же]), однако поскольку в нашей культуре, особенно в современности, такой героизм кажется

слишком большим для нас, или мы – слишком маленькими для него, мы маскируем нашу борьбу с помощью нагромождения чисел в банковской книге, с помощью наличия немного лучшего жилья по сравнению с соседом, немного более мощной машины, более умных детей, чтобы в частном порядке выразить наше чувство героической значимости; тем не менее, независимо от внешних масок, внутри пульсирует жажда космической особи).

Избавление от страха смерти является физиологически недостижимым («ирония состояния человека заключается в том, что самая глубокая потребность – быть свободным от страха смерти и уничтожения; но именно сама жизнь пробуждает их» [там же]), в связи с чем разрешение экзистенциальной дилеммы видится человеку в формировании убедительных иллюзий собственного героизма (человек «должен выделиться, стать героем, сделать максимально большой вклад в мировую жизнь, показывать, что он значит больше, чем что-либо или кто-либо еще» [там же]).

Традиционными сферами формирования указанных иллюзий являются такие сферы, как религия, романтические отношения (в том числе брак), творчество (в том числе наука), повседневная жизнь. При этом каждый человек считает, что обладает своей собственной формулой победы над ограничениями жизни («люди стараются убедить в своей точке зрения других не просто из-за взглядов на жизнь – это формула бессмертия») [там же].

В частности, религия позволяет человеку «удостоверить» свой космический героизм («когда человек жил под надежным куполом Иудейско-христианской картины мира, он был частью великого целого; выражаясь современным языком, его космический героизм был полностью расписан, был безошибочен. Он пришел из мира невидимого в мир, видимый по закону Божьему, исполнял свой долг перед Богом, проживая свою жизнь с достоинством и верой, вступая в обязательный брак, обязательно продолжая род, предлагая всю свою жизнь, как и Христос, Всевышнему Отцу. В свою очередь, он оправдывался отцом и удостоивался вечной жизни в невидимом измерении. Одним словом, космический героизм человека был «удостоверен», даже если человек был ничем. Это – самое выдающееся достижение христианской картины мира: оно могло взять рабов, калек, слабоумных, слабых и сильных мира сего, и сделать из них всех «защищенных героев», просто сделав шаг назад из мира в другое измерение вещей, измерение, которое называется рай» [там же]); романтические отношения как альтернатива религии сосредотачивают жажду космического героизма на другом человеке («в традиционном обществе человеческий партнер не впитает в себя весь аспект божественного, в современном обществе – впитает» [там же]; «любовный партнер становится божественным идеалом, на котором сосредотачивается жизнь. Все духовные и нравственные потребности теперь сосредотачиваться в одном индивидууме» [там же]; «мы ищем тех, кто позволяет нам полностью выразить свою волю, без какого-либо разочарования или фальши. Мы ищем такой объект, который отражает по-настоящему идеальный образ нас самих» [там же]); творчество как своеобразная «частная религия» позволяет человеку компенсировать его «болезненную изоляцию» («произведение искусства – это попытка его создателя объективно обосновать свой героизм в конкретном творении» [там же]); «повседневность» и «культурная обыденность» дают возможность успокоения («большинство людей концентрируются на маленьких проблемах их жизни по мере того, как общество ставит эти проблемы перед ними. Они успокаивают себя обыденностью – и поэтому могут вести нормальную жизнь» [там же]; люди могут выносить дьявольски тяжелую работу в кухнях отелей, неистовый вихрь одновременного ожидания на десятках столов, безумие туристических агентств в разгар туристического сезона или пытку работы с отбойным молотком в течение целого дня на раскаленной летней жарой

улице, потому что ежедневное безумие этих рабочих мест является повторяющейся прививкой против безумия; пролетариат требует одержимости работой, чтобы не сойти с ума; люди должны быть защищены от реальности).

В то же время отношение к каждой из вышеуказанных сфер формирования иллюзий героизма переживает кризис.

Так, современное состояние отношения к религии характеризуется ростом религиозного индифферентизма, активным формированием новых мифологий, сохранением традиционных религий как этнокультурного феномена, ростом религиозного фундаментализма, формированием лишенной глубокого духовного содержания, но вместе с тем действенной квазирелигиозной составляющей массовой культуры (культы разнообразных «героев»), развитием «медиарелигиозности» (виртуальный мир) [Рыжов, 2007], а также ростом сарказма по отношению к религиозному восприятию мира [Carlin, 1999]; современное состояние восприятия романтических отношений, в том числе брака, характеризуется переоценкой их значимости («человек больше не хочет, чтобы его использовали, как чужую душу»), а также ростом числа людей, избирающих социальное одиночество в качестве модели своего поведения [Rank, 1930]; современное состояние отношения к творчеству характеризуется пониманием творческого дара как «общественного одобрения на одержимость» [Becker, 1973]; современное состояние восприятия повседневности характеризуется озабоченностью («человек мнит себя личностью, если выплачивает страховую премию, и думает, что контролирует свою жизнь, если сидит за рулем своего спортивного автомобиля или включает свою электрическую зубную щетку» [там же]).

Таким образом, анализ гипотезы о базовом конфликте в отношении человека свидетельствует о том, что желание человека находиться «под защитой» культурных иллюзий героизма («потерять защищенность героической культурной иллюзией – значит умереть»; «человек нуждается в “Ты”, к которому можно обратиться за духовной и моральной поддержкой»; «человек использует свои идеи для защиты своего существования, для того, чтобы спугнуть реальность») сочетается с критическим отношением к сферам, в рамках которых данные иллюзии возникают.

Указанная двойственность может обуславливать возникновение у человека сомнений относительно правильности избранной им формулы победы над ограничениями жизни, что, в свою очередь, может привести к поиску им возможностей «усиления» индивидуального способа оправдания собственного существования во Вселенной (кто-то может попытаться реализовать себя сразу в нескольких сферах формирования культурных иллюзий – например, вступить в брак, создать семью, воспитывать детей и одновременно выполнять изнуряющую работу на производстве; кто-то может «пожертвовать» одной сферой ради другой – например, заняться творчеством, наукой или спортом, не создавая семью; кто-то может сконцентрироваться на повседневности – например, накапливать материальные блага, привилегии, путешествия, отношения и др.).

С учетом вышеизложенного необходимо отметить, что, исходя из анализа гипотезы о базовом конфликте (в отношении человека), «формула бессмертия» в восприятии человека может выглядеть следующим образом:

$$П \rightarrow \frac{ДЧ1 + ДЧ2 + ДЧn}{ЖЧ},$$

где символическая победа человека над смертью («П») является частным успешной индивидуальной деятельности человека во всем многообразии ее проявлений («ДЧ1», «ДЧ2», «ДЧп») и желания человека «отрицать и преодолеть свою судьбу» («ЖЧ»).

При этом в случае если деятельность человека субъективно оценивается им как неуспешная ($ДЧ=0$), то победа над смертью становится в его глазах невозможной, а отсутствие желания символически победить смерть ($П=0$) делает формулу неприменимой (например, в случае с маленькими детьми, у которых еще не сформировано абстрактное мышление, при соответствующих психических отклонениях и состояниях и т.п.).

Следует учитывать, что данная формула, вероятно, может подвергаться влиянию дополнительных благоприятствующих и неблагоприятствующих факторов (например, скорость осознания того, какой конкретно деятельностью человек желает заниматься, – чем выше скорость, тем больше времени на реализацию задуманного; приверженность конкретным видам деятельности – чем неустойчивее связь между человеком и его намерением добиться результата в соответствующей сфере, тем меньше путей для реализации данного результата; возможность «удостоверения» своих идей идеями других – чем больше людей, которые одобряют идеи человека, тем большей уверенностью этот человек может обладать и др.), однако со всей очевидностью формула имеет и базовое ограничение – ограничение временем как «формой протекания всех механических, органических и психических процессов, условием возможности движения, изменения, развития» [Степин, 2000].

В философской литературе отмечается, что возрождаемая в XX веке онтология, в отличие от античной, средневековой и ранней новоевропейской, представляет собой по преимуществу онтологию «временности» (вектор современной культуры указывает не на вечное), в связи с чем модусом времени становится не настоящее, а будущее, т.е. то, чего нет.

Между тем попытка человека реализовать свою «формулу бессмертия» в будущем «мгновенно» (без ожидания, без условностей, «здесь и сейчас») может быть осложнена многомерностью современного мира («в настоящее время человек «задыхается» от перепроизводства истины, которую нельзя потребить – большое количество произведений, открытий и др.» [Becker, 1973]), а также субъективным восприятием человеком модусов будущего и настоящего (воспринимает ли человек настоящее как настоящее и будущее как будущее, либо отождествляет их и воспринимает их как единый процесс).

В связи с этим идея героизма («предназначение человека является героическим»), отражающая стремление к упрощению излишней интеллектуальной сложности, должна, по всей видимости, найти свое первоначальное подкрепление в прошлом, поскольку именно прошлое, а не будущее является хранилищем примеров «формул бессмертия» (прошлое «уже» есть, а будущего «еще» нет).

В этом смысле события прошлого являются для человека своеобразным «местом» приобретения «строительного материала» для здания собственного символического бессмертия (анализ примеров «формул бессмертия» может позволить человеку соотнести конкретные формулы со своими психофизическими характеристиками, а предположение о субъективной применимости той или иной формулы – дать возможность смоделировать ее персональный вариант).

Тем не менее выбор конкретного «строительного материала» затруднен тем, что субъективно преломляемые рефлексии о событиях прошлого могут не совпадать.

В частности, кажется ясным, что если взгляд человека на определенное историческое событие противоречит взглядам на данное событие окружающей его социальной среды, то

«защитить» соответствующий проект собственного «бессмертия» становится труднее (в грубой формулировке – как «удостоверить» выбор кирпича или дерева в качестве строительного материала, если одни говорят, что эти материалы устарели и нужно использовать бетон и мрамор, а другие уверяют в необходимости строительства небоскребов?).

Как нам представляется, указанное затруднение, с одной стороны, может порождать обеспокоенность человека по поводу применимости конкретных «формул бессмертия» в соответствующих исторических условиях (например, политические процессы, связанные с распадом СССР, породили обеспокоенность по поводу «обесценивания» таких «проектов бессмертия», как «патриотизм»² и «служение отечеству» [Семенов, www]), а с другой стороны, может вызывать возникновение противоречий между «проектами бессмертия» различных людей (например, проект бессмертия «служение отечеству» будет противоречить проекту бессмертия «материальная обыденность»).

В последнем случае любопытен эпизод со студенткой одного из самарских ВУЗов, которая в ходе ознакомительной практики в одном из государственных органов Самарской области продемонстрировала крайнее неприятие таких «проектов бессмертия», как «патриотизм», «служение отечеству», «наука», «творчество» и т.д.

Так, на вопрос о годах Великой отечественной войны студентка не смогла назвать век; на вопрос о том, кто такой К.К. Рокоссовский, ответила, что впервые слышит такую фамилию; аналогично – по Геббельсу; на вопрос об отечественной художественной литературе она ответила, что не читала такие произведения, как «Евгений Онегин», «Война и мир», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», а из творчества А.П. Чехова слышала только о «Вишневом саде»; на вопрос о Конституции Российской Федерации заявила, что не читала ее и не видит в этом смысла. В то же время на вопрос об увлечениях ответила, что интересуется психологией, однако после уточняющего вопроса о направлениях в психологии (бихевиоризм, экзистенциальная психология, классический психоанализ и т.д.) объяснила, что имеет в виду «нормальную психологию», т.е. Дейла Карнеги, книги «Бедный Папа, Богатый Папа», «Язык жестов»; на вопрос о прочитанной за последние два года литературе назвала только указанные книги по «нормальной психологии»; на вопрос о знании иностранных языков заявила, что владеет английским языком, однако после перехода на английскую речь объяснила, что имела в виду «разговорный английский»³.

² Например, см.: Испытание смертью, 2 серия // Телевизионный проект «Поединки». Первый канал, студия «Артель», 2010.

³ Один из последних диалогов со студенткой выглядел следующим образом:

– Где ты планируешь или хочешь работать после окончания ВУЗа?

– Я не хочу работать. Я просто хочу жить, развиваться.

– Ну, это хорошо. А как ты будешь зарабатывать себе на жизнь?

– Меня устраивает то, что есть сейчас.

– А что есть сейчас?

– Сейчас я директор магазина.

– То есть у тебя есть трудовая книжка?

– Есть.

– Выходит, что ты работаешь.

– Ну... Получается так.

– А как ты думаешь, работа в магазине предполагает наличие минимального объема знаний, например, в области законодательства?

Данный эпизод, с одной стороны, может свидетельствовать о том, что «проект бессмертия» может являться достаточно «примитивным» (например, накопление материальных ресурсов), а с другой стороны, следует отметить, что большая образованность человека затрудняет восприятие «примитивных» проектов (например, представить себе, что ветеран Великой Отечественной войны или отечественный историк мог бы «удостоверить» вышеописанный «проект бессмертия», довольно тяжело, однако если функцию «удостоверения» выполняет для студентки иная окружающая среда, то возможностей для возникновения такого «проекта бессмертия», как служение Отечеству, становится меньше).

При этом данный факт может также указывать на то, что ограничение (в том числе самоограничение) доступа к «строительному материалу» снижает возможности полноценной рефлексии о событиях прошлого.

Таким образом, необходимо констатировать, что большое значение для человека приобретают не только сами события, выступающие в качестве строительного материала для «проектов бессмертия», но и рефлексия о данных событиях, позволяющая либо не позволяющая «удостоверить» выбор соответствующего «строительного материала».

На основании вышеизложенного представляется, что для человека историческая память может выступать как своеобразный способ распознавания «материала» для строительства здания собственного символического бессмертия. Ассоциация себя с теми или иными историческими личностями и социальными группами, соотнесение человеком восприятия исторических событий в прошлом и в современности, сопоставление отношения к материальным и духовным ценностям, – все это может помочь людям вывести свою собственную «формулу бессмертия», сформировать уверенность в том, что она заслуживает права на существование, и даже предоставить средства для ее защиты.

Жизнедеятельность человека имеет ограничение временем, и в этом смысле историческая память может позволить – либо не позволить – человеку ускорить выработку путей для разрешения неразрешимой экзистенциальной дилеммы его жизни посредством «формулы бессмертия».

В отношении общества необходимо отметить следующее.

С позиций гипотезы о базовом конфликте любая культурная система является «драматической постановкой» земного героизма («каждая система «кроит» роли для спектаклей различной степени героизма – от «высокого» героизма Мао или Будды до «повседневного» героизма шахтера, крестьянина, простого священника») [Becker, 1973], в основе которой лежит неразрешимая экзистенциальная дилемма – человек осознает свою уникальность, но понимает, что смертен («не имеет значения, является ли культурная система героизма магической,

– Да нет... Я же работаю на себя, а не на кого-то.

– А как насчет налогов, отчислений от дохода в бюджет и связанных с этим норм налогового законодательства?

– Я не плачу налоги.

– То есть ты занимаешься незаконным предпринимательством?

– Ну, да. Все работают незаконно. Дают взятки. Вы себе даже не представляете, сколько магазинов в Самаре работают незаконно! Это нормально...

– А как ты думаешь, при взаимодействии с другими директорами магазинов тебе знание закона пригодится?

– Думаю, не особо.

– А как ты думаешь, в бизнесе на кого легче влиять: на образованного человека или на необразованного?

– Скорее всего, на необразованного. Но у меня образование хорошее. Иначе я не поступила бы в ВУЗ. Поэтому на меня влиять ни у кого не получится.

религиозной и примитивной, либо светской, научной и цивилизованной. Это по-прежнему мифическая культурная система, в рамках которой люди стремятся ощутить первичную ценность, космическую особость и непоколебимый смысл, «вырезая» место в природе, строя здание, которое отражает человеческую ценность, – храм, собор, тотемный столб, небоскреб либо семью, которая охватывает три поколения»).

Современное общество характеризуется кризисом истинности культурных систем («Основная проблема человеческой жизни заключается в том, насколько эмпирически истинным является культурная система героизма, которая поддерживает и побуждает людей. Человек может отдать жизнь за свою страну, общество, семью; броситься на амбразуру, спасая своих товарищей; быть способным на высочайшее благородство и самопожертвование. Однако он должен чувствовать и верить: то, что он делает, является по-настоящему героическим, вневременным и в высшей степени значимым»).

Кризис истинности культурных систем может обуславливать кризис героизма («молодежь не чувствует себя героями в том плане действий, который установлен культурой. Они не верят, что существующая культура эмпирически истинна по отношению к проблемам их жизни»; «молодежь ощутила – к счастью или нет – социально-историческую истину: подобно тому, как есть бесполезные самопожертвования в несправедливых войнах, так есть и «неблагородный» героизм целых обществ – будь то порочно деструктивный героизм гитлеровской Германии или глупое геройство приобретения и демонстрации потребительских товаров, накопление денег и привилегий»).

Соответственно, в настоящее время может наблюдаться скептическое отношение к традиционной религии и культуре («кризис общества, несомненно, является и кризисом организованной религии: религия более не функционирует как система героизма, и поэтому молодежь над ней издевается. Если традиционная культура дискредитирована как героизм, то церковь, которая поддерживает эту культуру, автоматически дискредитирует себя. Если церковь, с другой стороны, будет продолжать настаивать на своем особом героизме, то, на наш взгляд, вполне может обнаружить, что в ключевых аспектах она должна работать против культуры, вербовать молодежь, чтобы быть анти-героями жизни общества, в котором они живут»).

В то же время общество само по себе является своеобразной религиозной конструкцией («общество является кодифицированной системой героизма, живым мифом о значимости человеческой жизни, дерзким творением смысла. Каждое общество – это «религия» вне зависимости от фактической констатации: советская и Маоистская «религии» так же религиозны, как «научная» или «потребительская» религии»), а культура в своем самом глубоком намерении является героическим отрицанием «тварности».

Таким образом, исходя из гипотезы о базовом конфликте, необходимо отметить, что существование культурных систем земного героизма, обеспечивающих возможность реализации человеком избираемых им «проектов бессмертия», сочетается с критическим отношением к данным системам.

При этом кажется ясным, что «ликвидация» культурных систем земного героизма без их адекватной компенсации может вернуть общество к столкновению с экзистенциальной дилеммой лицом к лицу. Соответственно, трансформация той или иной системы производится с учетом имеющегося фундамента (например, трансформация системы героизма «православие» в систему героизма «коммунизм» [Бердяев, 1990], системы героизма «религия» – в систему героизма «демократия» [Graebner, 1987] и т.д.).

На основании вышеизложенного представляется, что для общества историческая память может являться способом сохранения, преобразования и дальнейшего развития существующих систем земного героизма. Фактически интерес к исторической памяти, отражающий стремление общества к развитию, представляет собой попытку воспрепятствовать угрозе собственного уничтожения путем постоянного развития.

В отношении государства необходимо отметить следующее.

С позиций гипотезы о базовом конфликте личность лидера, отождествляемая с властью, позволяет человеку осуществить символическое преодоление собственной смерти («на протяжении всей истории массы следовали за лидерами из-за их магической ауры – лидеры казались людям «больше, чем жизнь» [Becker, 1973]; «ощущение того, что умрет человек рядом с вами, но не вы, подкреплено доверительной зависимостью от власти лидера, – неудивительно, что сотни тысяч людей шли из окопов маршевым строем навстречу артиллерийскому огню во время Первой мировой войны; они были, так сказать, частично загипнотизированы. Реальный мир слишком страшен, чтобы его признать: мир говорит человеку, что человек – маленькое, дрожащее животное, которое угаснет и умрет; иллюзия же меняет все это и позволяет человеку казаться важным, жизненно важным для Вселенной, в некотором роде бессмертным. Сначала эту иллюзию транслируют родители, а в групповом поведении – лидер»).

Человек осуществляет «перенос» своей личности на личность лидера и тем самым стремится «рассеивать» свой страх смерти («В реальности Вселенная содержит огромную силу. Внутри себя мы ощущаем хаос. Мы не можем, действительно, сделать многое с этой невероятной силой, за исключением одной вещи – мы можем наделять этой силой определенных лиц. Ребенок испытывает естественный трепет и ужас и переносит их на отдельные субъекты, что позволяет ему «сгруппировать» силу и ужас в одном месте, а не «рассеивать» их по всей хаотической Вселенной»; «использование объекта переноса объясняет желание обожествления других. Мы участвуем в их бессмертии и таким образом создаем бессмертных. Группы также нуждаются в мифологии, чем и объясняется постоянное устойчивая потребность в героях»).

Соответственно, смерть государственного лидера, являвшегося объектом переноса личности множества людей, традиционно является важнейшим событием, которое возвращает людей к вопросу об их внутреннем хаосе (например, реакция советского общества на смерть Сталина [Азаров, www]), в связи с чем последующие попытки изменения памяти о тех или иных государственных лидерах могут в конкретных исторических условиях обусловить соответствующее сопротивление (например, сопротивление изменению памяти о Ленине в ранний постсоветский период⁴ или о Николае II – в современный российский период⁵).

Во избежание возврата к вопросу о внутреннем хаосе общество, используя средства государства, может стремиться обеспечить умершему государственному лидеру фактическое бессмертие («не перестаешь задумываться о том, как одно из самых продвинутых научных обществ XX века прибегло к усовершенствованию древних египетских методов мумификации тела для того, чтобы забальзамировать вождя революции. Похоже, россияне не смогли отпустить Ленина даже после смерти и похоронили его в качестве постоянного символа бессмертия. Это якобы «светское» общество в период реализации советского проекта

⁴ Золото партии [Фильм] 1993, 1:24:38.

⁵ Поклонская попросила Генпрокуратуру проверить новый фильм Учителя «Матильда». Ведомости, 02.11.2016

организовывало паломнические поездки в Мавзолей Ленина и хоронило прах вождей и героев социалистического строительства в «священной стене» Кремля – в «сакральном» месте. Независимо от того, как много церквей были закрыты или как гуманистически позиционируют себя тот или иной лидер или движение, страх человека всегда является «святым страхом» [Becker, 1973]).

В свою очередь, государство, используя идеологию, пытается обеспечить фактическое бессмертие тем или иным историческим событиям и явлениям, которые «удостоверяют» правомерность существования самого государства. Например, запечатление в народной памяти «очень недурно комбинированной юридической постройки начала Русского государства», которая сводилась к «стереотипной формуле идеи легитимной власти, возникающей из договора», – идея власти была перенесена с почвы силы, т.е. насильственного захвата власти над туземцами, на основу права, т.е. наемного договора с иноземцами о внешней обороне [Ключевский, 2015] .

При этом стремление к обеспечению соответствующим историческим событиям и явлениям бессмертия может принимать формы мифотворчества и фальсификации (например, отрицание Турцией геноцида армян 1915 года и запрет на популяризацию в турецкой печати соответствующей информации [Akçam, 2004], героизация Украиной ОУН и УПА⁶, летоисчисление чучхе в КНДР и т.д.).

Таким образом, исходя из гипотезы о базовом конфликте, необходимо отметить, что «рассеивание» человеком страха смерти посредством «переноса» своей личности на личность лидера является универсальным способом символического преодоления смерти: с одной стороны, имеется стремление общества обеспечить бессмертие умершему лидеру, а с другой стороны – стремление государства обеспечить бессмертие тем или иным событиям и явлениям.

С учетом этого представляется, что для государства историческая память может являться важным элементом «удостоверения» собственного существования; фактический интерес к исторической памяти отражает стремление государства к самосохранению.

На основании вышеизложенного, необходимо констатировать, что, хотя анализ теоретических разработок *гипотезы* о базовом конфликте является *только* одним из возможных направлений философского поиска *первопричины* возникновения интереса к *проблематике исторической памяти*, данное направление поиска представляется перспективным.

В частности, следует учитывать востребованность гипотезы о базовом конфликте другими гуманитарными науками.

Например, в психологии данная гипотеза привела к созданию «теории управления страхом» [Pyszczynski et al., 2004], в соответствии с которой от страха смерти может спасти восприятие самого себя как хорошего и защищенного (несмотря на то, что людей можно укрепить их во мнении о собственной значимости [Майерс, 2016], в широком смысле такое самовосприятие складывается из ощущения правильности своего мировосприятия и своих ценностей, а степень самоуважения является субъективной мерой того, насколько хорошо человек, по его мнению, соответствует своим культурным ценностям [Pyszczynski et al., 2004]).

Кроме того, следует принимать во внимание широкие теоретические возможности гипотезы о базовом конфликте.

⁶ Героизация УПА в Украине [Видео].

Во-первых, указанная гипотеза позволяет объяснить, что интерес к проблематике исторической памяти отражает стремление человека – к бессмертию, общества – к развитию, государства – к самосохранению и обусловлен кризисом традиционного восприятия человеком окружающего мира.

Для человека историческая память может выступать как своеобразный способ распознавания «материала» для строительства здания собственного символического бессмертия. Жизнедеятельность человека имеет ограничение временем, и историческая память может позволить – либо не позволить – человеку ускорить выработку путей для разрешения базовой экзистенциальной дилеммы его жизни (человек осознает, что уникален, но в то же время понимает, что смертен). Соответствующий «проект бессмертия» человека олицетворяет то, чем человек желает стать, а «формулой бессмертия» является «частное» успешной индивидуальной деятельности человека во всем многообразии ее проявлений и желания человека «отрицать и преодолеть свою судьбу».

Для общества историческая память может являться способом сохранения, преобразования и дальнейшего развития систем земного героизма, обеспечивающих возможность реализации человеком избираемых им «проектов бессмертия». Существование данных систем сочетается с критическим отношением к ним, и в этом смысле интерес к исторической памяти отражает попытку общества воспрепятствовать угрозе собственного уничтожения путем постоянного развития.

Для государства историческая память может представлять собой важный элемент «удостоверения» собственного существования.

Во-вторых, указанная гипотеза позволяет трактовать человека как гипертревожное смертное животное, осознающее свою смертность и постоянно придумывающее причины для беспокойства, общество – как символическую систему действий, структуру статусов и ролей, обычаев и правил поведения, призванную служить средством для земного героизма, историю – как последовательность идеологий бессмертия.

Предполагается, что проблемы людей можно истолковать, исходя из того, насколько всеохватывающими и убедительными являются соответствующие идеологии, насколько легко они позволяют людям быть уверенными и защищенными в личном героизме [Becker, 1973].

В-третьих, указанная гипотеза позволяет подойти к ответу на вопрос о природе такого важного объекта исторической памяти, как война.

Заключение

Современная жизнь характеризуется отказом от традиционных идеологий бессмертия в пользу усиления жажды человека к самосохранению и героизму. Человек свергает идеи души и Бога, считая, что может «заслонить» священное измерение, а также идеи семьи и романтических отношений, полагая, что они не могут заменить абсолютную трансцендентность. В результате, оказываясь в распоряжении самого себя, человек нуждается в революциях и войнах и «продолжающихся» революциях.

Библиография

1. Азаров А. Смерть Сталина в ощущениях современников. URL: rus.azattyq.org/a/stalin-death-memories-contemporaries/24919399.htm
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.

3. Героизация УПА в Украине. URL: youtu.be/HxkqKpnSrgY
4. Ерофеев В. Орлов Владимир Павлович. URL: историческая-самара.рф/каталог/самарская-персоналия/o/orlov-vladimir-pavlovich.html
5. Золото партии. Фильм, 1 час 24 мин. 1993.
6. Испытание смертью. 2 серия. Фильм, 47 мин. 53 сек. 2010.
7. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2016. 800 с.
8. Пушкарева Т.В. Проблематика исторической памяти в современной Германии: научная теория и социальная практика // Ученые записки. 2010. № 2. С. 4-16.
9. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. 44 с.
10. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Вып. 2. С. 106-126.
11. Рыжов Ю.В. Новая религиозность в современной культуре: дис. ... докт. культурологии. М., 2007. 330 с.
12. Семенов А. Большелобый аскет. URL: www.semenov63.ru/page_9.html
13. Степин В.С. (ред.) Новая философская энциклопедия. М.: Мысль: 2000-2001. В 4 т.
14. Akçam T. From Empire to Republic: Turkish Nationalism and the Armenian Genocide. Zed Books: London & New York, 2004. 273 p.
15. Annales. Histoire, Sciences sociales. 2016. URL: <http://Annales.ehess.fr/index.php?478>
16. Becker E. The Denial of Death. New York: Macmillan, 1973. 315 p.
17. Carlin G. Religion Is Bullshit. URL: youtu.be/8r-e2NDSTuE
18. Carlin G. There Is No God. URL: youtu.be/qILOA2h456U
19. Court J. Picturing History, Remembering Soldiers: World War I Photography between the Public and the Private // History and Memory. Indiana University Press. 2017. Vol. 29. №1. P. 72-103.
20. Graebner W. The Engineering of Contest: Democracy and Authority in Twentieth-Century America. Madison: University of Wisconsin Press, 1987. 262 p.
21. Morgan Freeman warns Russia is waging war on the U.S. We need to pay attention before it's too late. URL: www.youtube.com/watch?v=Uz9PNoecNxU
22. Pyszczynski T. et al. Why do people need self-esteem? A theoretical and empirical review // Psychological Bulletin. 2004. Vol. 130. №3. P. 435-468.
23. Rank O. Seelenglaube und Psychologie. Eine prinzipielle Untersuchung über Ursprung, Entwicklung und Wesen des Seelischen. Leipzig und Wien: Franz Deuticke, 1930. 193 s.

**The primal philosophical cause of interest in the problems
of “memory studies” (on the example of E. Becker's
hypothesis on the basic conflict of a human being)**

Aleksei V. Shlyakhov

Postgraduate,
Samara National Research University named after academician S.P. Korolev,
443086, 34, Moskovskoe highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: shlyakhov@mail.ru

Abstract

At present, the study of the perception of historical events has become of no less interest than the study of the events themselves. In this regard, the identification of the root cause of the interest of a person, society and the state in the problems of historical memory can be considered as a very urgent task. One of the philosophical hypotheses that allows us to solve this problem is the Ernest Becker hypothesis about the underlying conflict. An analysis of the theoretical developments of this hypothesis allows us to explain that interest in the problems of historical memory reflects a person's desire for immortality, society for development, the state for self-preservation and is caused by the crisis of man's traditional perception of the world around him. In particular, for a person, historical

The primal philosophical cause of interest in the problems...

memory can act as a peculiar way of recognizing “material” for the construction of a building of its own symbolic immortality; for society, as a way of preserving, transforming, and further developing earthly heroism systems that provide the opportunity for a person to implement his “projects of immortality”; for the state, as an important element of the “certificate” of their own existence. The hypothesis of a basic conflict is promising from the point of view of its further scientific development, including in the context of the problems of historical memory.

For citation

Shlyakhov A.V. (2019) *Filosofskaya pervoprichina interesa k problematike istoricheskoi pamyati (na primere gipotezy E. Bekkera o bazovom konflikte cheloveka)* [The primal philosophical cause of interest in the problems of “memory studies” (on the example of E. Becker's hypothesis on the basic conflict of a human being)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (4A), pp. 89-103. DOI: 10.34670/AR.2019.45.4.071

Keywords

Historical memory, the hypothesis of the basic conflict of man, E. Becker, the desire for immortality, philosophy.

References

1. Akçam T. (2004) *From Empire to Republic: Turkish Nationalism and the Armenian Genocide*. Zed Books: London & New York.
2. (2016) *Annales, Sciences sociales*. Available at: <http://Annales.ehess.fr/index.php?478> [Accessed 06/06/2019]
3. Azarov A. *Smert' Stalina v oshchushcheniyakh sovremennikov* [The death of Stalin in the feelings of contemporaries]. Available at: rus.azattyq.org/a/stalin-death-memories-contemporaries/24919399.htm [Accessed 06/06/2019]
4. Becker E. (1973) *The Denial of Death*. New York: Macmillan.
5. Berdyaev N.A. (1990) *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka Publ.
6. Carlin G. *Religion Is Bullshit*. Available at: youtu.be/8r-e2NDSTuE [Accessed 06/06/2019]
7. Carlin G. *There Is No God*. Available at: youtu.be/qILOA2h456U [Accessed 06/06/2019]
8. Court J. (2017) *Picturing History, Remembering Soldiers: World War I Photography between the Public and the Private*. History and Memory. Indiana University Press, 29, 1, pp. 72-103.
9. Erofeev V. *Orlov Vladimir Pavlovich*. Available at: istoricheskaya-samara.rf/katalog/samarskaya-personaliya/o/orlov-vladimir-pavlovich.html [Accessed 06/06/2019]
10. *Geroizatsiya UPA v Ukraine* [Heroization of the URA in Ukraine]. Available at: youtu.be/HxkqKpnSrgY [Accessed 06/06/2019]
11. Graebner W. (1987) *The Engineering of Contest: Democracy and Authority in Twentieth-Century America*. Madison: University of Wisconsin Press.
12. (2010) *Ispytanie smert'yu. 2 seriya. Fil'm, 47 min. 53 sek.* [The quest of death. 2 series. Movie, 47 min. 53 sec.].
13. Morgan Freeman warns Russia is waging war on the U.S. We need to pay attention before it's too late. Available at: www.youtube.com/watch?v=Uz9PNoecNxU [Accessed 06/06/2019]
14. Myers D. (2016) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. St. Petersburg: Piter Publ.
15. Pyszczynski T. et al. (2004) Why do people need self-esteem? A theoretical and empirical review. *Psychological Bulletin*, 130, 3, pp. 435-468.
16. Pushkareva T.V. (2010) *Problematika istoricheskoi pamyati v sovremennoi Germanii: nauchnaya teoriya i sotsial'naya praktika* [The problems of historical memory in modern Germany: scientific theory and social practice]. *Uchenye zapiski* [Science proceedings], 2, pp. 4-16.
17. Rank O. (1930) *Seelenglaube und Psychologie. Eine prinzipielle Untersuchung über Ursprung, Entwicklung und Wesen des Seelischen*. Leipzig und Wien: Franz Deuticke.
18. Repina L.P. (2003) *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and problems of historiography (historiographic notes)]. Moscow.

-
19. Rostovtsev E.A., Sosnitskii D.A. (2014) Napravleniya issledovaniy istoricheskoi pamyati v Rossii [Research directions of historical memory in Russia]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg University], 2, pp. 106-126.
 20. Ryzhov Yu.V. (2007) Novaya religioznost' v sovremennoi kul'ture. Doct. Dis. [New religiosity in modern culture. Doct. Dis.]. Moscow.
 21. Semenov A. Bol'shelobyi asket [Big-faced ascetic]. Available at: [www.semenov63.ru/ page_9.html](http://www.semenov63.ru/page_9.html) [Accessed 06/06/2019]
 22. Stepin V.S. (ed.) (2000-2001) Novaya filosofskaya entsiklopediya [A New Philosophical Encyclopedia]. Moscow: Mysl' Publ.
 23. (1993) Zoloto partii. Fil'm, 1 chas 24 min [Gold of the party. The film, 1 hour 24 minutes].